

Enigma российской Конституции 1993 года: «Общепризнанные принципы и нормы международного права»

Л.П. Ануфриева

профессор кафедры международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук. Адрес: 125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9. E-mail: anufrieva@msal.ru

---

Аннотация

Международное право, будучи самостоятельной системой, обладает немалой спецификой, которая не в последнюю очередь проявляется и в наличии у него особой составляющей — *системы принципов*. В статье рассмотрен специфический аспект, касающийся общепризнанных принципов и норм международного права как категории юридической науки, в нетипичном ракурсе отыскания истоков введения термина в российскую правовую систему на фоне анализа состояния и тенденций международной практики в этом отношении. Понятие «общепризнанные принципы и нормы международного права» стало неотъемлемой частью современного российского правоведения и юридической практики в целом благодаря именно положениям Конституции Российской Федерации (1993), образуя ныне важный пласт истории конституционного развития нашего государства, который тем не менее до сих пор не получил полноценного освещения в правовой литературе. Наряду с этим известно, что указанный термин соседствует в международном праве и изучающей его науке с иными понятиями, также входящими в разряд обозначений принципов, — «основными принципами», «общими принципами права, признанными цивилизованными нациями», *jus cogens* и др., что, в свою очередь, требует соответствующего в них ориентирования. Автором с использованием историографического подхода и теоретических позиций, выработанных международно-правовой наукой, поставлена цель ответить на некоторые вопросы, связанные с содержанием как поставленного во главу угла в статье предмета «общепризнанные и принципы и нормы международного права» и его составных элементов, так и с его соотношением и связью с другими вышеуказанными явлениями, в частности, с «основными принципами международного права», во-первых, и нормами *jus cogens* («императивными нормами общего международного права»), во-вторых. Такой подход позволил осуществить более глубокое погружение в существо анализируемых понятий. Особым объектом внимания при их рассмотрении выступают результаты разработки понятия *jus cogens* Комиссией международного права Организации Объединенных Наций.

Ключевые слова

общепризнанные принципы и нормы международного права, Конституция Российской Федерации, Комиссия международного права ООН, генезис, «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями», основные принципы, «императивные нормы общего международного права», *jus cogens*, нормативность, позитивное право.

Благодарности: статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований научного проекта №18-011-010670 А. Статья выполнена с использованием системы СПС Консультант Плюс.

Для цитирования: Ануфриева Л.П. *Enigma* российской Конституции 1993 года: «общепризнанные принципы и нормы международного права» // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 3. С. 4–25.

УДК: 341

DOI: 10.17-323/2072-8166.2019.3.4.25

Введение

2019 год ознаменовался тем, что США произвольно в качестве меры соответствующего «сдерживания» установили новые тарифы применительно к китайскому экспорту на сумму 200 млрд. долл. Затем в мае Президент США поручил ввести пошлины на товары из Китая еще на 300 млрд. долл. Кроме того, был отдан приказ приступить к охвату повышением тарифов практически всего оставшегося объема импорта из Китая. Российскому государству в апреле и мае 2019 года США отказали в визах специалистам из России для участия в работе Третьего подготовительного комитета конференции участников Договора о нераспространении ядерного оружия в Нью-Йорке, а также эксперту по химическому оружию и консультанту Генерального секретаря ООН от России, который должен был выступить в Нью-Йорке на специальном брифинге в ходе заседания Совета Безопасности ООН. В результате этих действий, нарушающих не только основные стандарты международного общения, но и принципы международного права, сразу несколько официальных представителей Российской Федерации не смогли принять участие в международных форумах¹. Это лишь некоторые из последних фактов, свидетельствующие об абсолютно одностороннем характере действий США в отношении двух держав — Китая и России — а, значит, о произволе «сверхдержавы», игнорировании ею действующего международного права. В этом плане в российских и китайских заявлениях, научных публикациях

¹ Коммерсантъ. 11.05.2019. Available at: URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3966404?from=hot-news> (дата обращения: 11.05.2019)

и т.п. зачастую звучат обвинения противоположной стороны в нарушениях «общеизвестных принципов и норм» международного права. Между тем это понятие нуждается в раскрытии, несмотря на кажущуюся привычность употребления, и в выявлении его сути. В свете закрепления данных терминов положениями Конституции России выявляется потребность (пожалуй, даже не меньшая, чем определение существа рассматриваемого явления) ответа на вопрос о путях и причинах, приведших к его включению в нормативный массив действующего основополагающего российского акта.

С сугубо теоретической стороны обозначенное юридическое понятие — «общеизвестные принципы и нормы международного права» — в разные времена неоднократно и разнопланово становилось предметом внимания советской, а затем и российской международно-правовой доктрины [Коровин Е.А., 1951: 14–19]; [Пушмин Э.А., 1978: 76–84]; [Толстик В.А., 2000: 67–77]; [Нешатаева Т.Н., 2004: 124–140]; [Морозов А.Н., 2018: 33–45]; [Абашидзе А.Х., 2017: 19–29]; [Нефедов Б.И., 2019: 6–17]². В то же время нельзя не признать, что важнейшая часть решения насущной задачи науки по теоретическому осмыслению его содержания нередко оставалась невыполненной, ибо в большинстве случаев (как справедливо отмечалось еще в 1950-х гг. применительно к вопросу «о принципах советского права» в общей теории права) понятие принципа «постулируется как нечто общепринятое, как данное в самом термине» [Шейндлин Б.В., 1959: 62].

Подобное «постулирование» свойственно и нынешней международно-правовой науке в применении к общеизвестным принципам и нормам. Яркой иллюстрацией служит статья в энциклопедическом издании, посвященная общеизвестным принципам и нормам международного права (автор К.А. Бекяшев), в которой фактически в виде аксиомы присутствует уравнивание, с одной стороны, принципов и норм международного права (причем со ссылкой на решение Международного Суда ООН 1984 г., значительно, однако, искаженное в самой его «сердцевине»), а, с другой стороны, «общеизвестных принципов и норм», основных принципов международного права и *jus cogens*³. Идея не нова — с нею еще в 1959 г. точно так же, а именно без

² Одной из значимых фигур юридической науки в данном отношении явился Е.А. Коровин, обратившийся непосредственно к общеизвестным нормам международного права; Э.А. Пушмин оставил существенный след в части разработки основных принципов современного международного права; Л.А. Алексидзе одним из первых приблизился к анализу императивных норм — *jus cogens* — с позиций фундаментальных аспектов теории международного права.

³ Большая российская энциклопедия: электронная версия. 2005–2019. Availavle at: URL: [https://bigenc.ru/law/text/2675393_obshchiepriznannyye_printsipy_i_normy_miezhdunarodnogo_pra](https://bigenc.ru/law/text/2675393_obshchiepriznannyye_printsipy_i_normy_miezhdunarodnogo_prava) (дата обращения: 28.07.2019) Вышеприведенная констатация заслуживает точности, поэтому приведем фрагмент полностью: «**Общеизвестные принципы и нормы международного права — основополагающие императивные нормы международного права, принимаемые и признаваемые международным сообществом государств в целом, отклонение от которых**

дифференциации основных и общепризнанных принципов международного права, выступил А.Н. Талалаев [Талалаев А.Н., 1958: 513]⁴.

Устойчивость использования словосочетания «общепризнанные принципы и нормы международного права» отечественной правовой системой, правоведением и международно-правовой наукой объяснима — оно присутствует еще в Конституции СССР 1977 г. (далее — Конституция СССР), встречаясь, в частности, в разделе, посвященном внешней политике, где перечислялись принципы, на которых строились политические и экономические связи СССР с другими государствами, в том числе и дипломатические отношения: суверенного равенства; взаимного отказа от применения силы или угрозы силой; нерушимости границ; территориальной целостности государств; мирного урегулирования споров; невмешательства во внутренние дела; уважения прав человека и основных свобод; равноправия и права народов распоряжаться своей судьбой; сотрудничества между государствами; добросовестного выполнения обязательств, вытекающих из общепризнанных принципов и норм международного права, из заключенных СССР международных договоров (ст. 29). Приведенное, несомненно, могло ассоциироваться с перечнем таких норм современного международного права, которые в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН (далее — ГА ООН) «Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций» от 24.10.1970 (далее — Декларация 1970 г.) были поименованы «основными принципами». Вместе с тем даже в случае каких бы то ни было аналогий ничто не позволяло говорить о тождественности общепризнанных принципов и норм международного права и основных принципов, квалифицируемых как таковые в Декларации 1970 г.

Разумеется, предположение, что в Конституции СССР был отражен факт возведения общепризнанных принципов и норм в ранг «основных принципов» в международно-правовом масштабе, в свою очередь, не находит подтверждения. Присутствие указанных формулировок в нормах Основного

недопустимо. Они являются нормами *jus cogens*, то есть нормами высшего порядка, и все другие нормы должны им соответствовать. Международный суд ООН в решении ..... от 12 октября 1984 года отметил, что термины «принципы» и «нормы», по сути, означают одно и то же» (ср. с буквальной выдержкой из решения Международного Суда далее в настоящей статье). В свете этого стоит обратить внимание не только на смешение понятий, но и явную легковесность, чтобы не сказать поверхностность, подхода к категории *jus cogens* как к «служебному» инструменту для «измерения» общепризнанных принципов и норм международного права.

⁴ В связи с этим нельзя исключить импульсов, которые могли воздействовать на составителей российской Конституции и конструирование ими ее положений, оперировавших термином «общепризнанные принципы и нормы международного права», ввиду несомненного авторитета, а, следовательно, и влияния международно-правовой школы МГУ (к которому и принадлежал названный автор).

закона СССР 1977 г. сопрягалось лишь с «добросовестным выполнением обязательств, вытекавших из общепризнанных принципов и норм международного права», и выступало не более чем робкой аллюзией на указание в конституционном акте ведущих начал внешней политики и международных отношений, которых придерживалось советское государство. Вследствие этого явное отсутствие в Конституции СССР четкой квалификации соответствующих положений, относящихся к регулированию межгосударственных отношений, будь то в качестве «общепризнанных принципов и норм» или «основных принципов» международного права, вполне наглядно свидетельствует, что в ней весьма затруднительно отыскать ответ на вопрос о существовании и содержании «общепризнанных принципов и норм международного права». Полноценные легитимация и распространение данного понятия произошли благодаря его инкорпорированию именно в нормы Конституции Российской Федерации 1993 г. Однако обстоятельства, объясняющие включение рассматриваемой терминологии в текст Конституции, не вполне ясны. Здесь более всего приходится опираться на догадки, допущения, «презумпции» и предположения.

1. «Терминологическое разнообразие» или вопрос сущности?

Термин «общепризнанные принципы и нормы международного права» стал неотъемлемой частью и едва ли не главенствующей конструкцией современного российского правоведения в целом с начала 1990-х гг. Данный факт имеет особую окраску в свете того, что специфический фон его существования составляет разнообразие наименований, сопровождающих понятие «принципы международного права», которые используются международно-правовой наукой: «основные принципы», «принципы общего международного права», «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями», *jus cogens*. В России (а ранее — в СССР) понятием «общепризнанные принципы и нормы» массированно оперируют не только общая теория права и государства, но и отраслевые юридические науки, исходя скорее всего из презумпции, что международно-правовая наука в этом плане все прояснила и остается только анализировать отдельные черты применения данного понятия во внутригосударственном праве — конституционном, уголовном⁵, гражданском, административном, трудовом и т.д. Между тем мировая международно-правовая наука до сих пор не приводит доказательств ни того, что упомянутое понятие ею принято со всей опре-

---

⁵ Например, в ч. 2 ст. 1 УК РФ зафиксировано: «Настоящий Кодекс основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах международного права».

деленностью и однозначностью, ни того, что удалось исчерпывающе точно установить его сущность и содержание, особенно если стоит цель его отграничения от иных, присутствующих в этом ряду правовых категорий, при соотношении их друг с другом. Кроме того, теория «общего» международного права отнюдь не выказывает единодушия в том, что касается восприятия общепризнанных принципов и норм как фундаментальной основы системы международного права.

Главной причиной этого выступает отсутствие безусловного закрепления рассматриваемого термина в нормах позитивного права — он не зафиксирован ни в Уставе ООН, ни в вышеупомянутой резолюции ГА ООН Декларация 1970 г., ни в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 1.08.1975. Правда, текстуально в Декларации 1970 г. этот термин встречается, но лишь в части общей установки по обязательности соблюдения принципов международного права в характеристике запрета применения силы или угрозы применения силы. И хотя в свете этого было бы ошибкой полагать, что понятие «общепризнанные принципы и нормы» вообще чуждо современному международному праву, однако распространения, адекватного сущности принципов как явления *общесистемного* — т.е. обладающего качествами прежде всего нормативности, а кроме того универсальности, общепризнанности, императивности и т.п. — оно не получило. К тому же далеко не все ясно с критериями дифференциации в отношении компонентов, входящих в данное понятие, а именно — обозначений «общепризнанные принципы» и «общепризнанные нормы». Если «общепризнанные принципы» — это безусловно юридические правила поведения (нормы), то, в свою очередь, и «общепризнанные нормы» являются предписаниями того же порядка (нормами) международного права. По каким же признакам выводить различия между ними?⁶

---

⁶ В Постановлении Пленума Верховного Суда России от 10.10.2003 № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» (с изм. от 5 марта 2013 г.) дан некий взгляд на такое разграничение. Согласно ему, «под общепризнанными принципами международного права следует понимать основополагающие императивные нормы международного права, принимаемые и признаваемые международным сообществом государств в целом, отклонение от которых недопустимо», а «под общепризнанной нормой международного права следует понимать правило поведения, принимаемое и признаваемое международным сообществом государств в целом в качестве юридически обязательного» (п. 1) (см.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 12; Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 5). Как видно, главное отличие первых от вторых проходит по линии, соответственно, присутствия либо отсутствия в указанных предметах качеств «императивности» или «юридической обязательности». Однако согласиться с этим ввиду слишком большой «загадочности» существа последнего по сравнению с «императивностью» нельзя. Вместе с тем, данный аспект, пожалуй, достоин специального внимания, которое необходимо уделить проблеме разграничения общепризнанных принципов и норм, прежде всего, в плане развернутого теоретического подхода, что невозможно осуществить в рамках настоящей статьи.

2. Генезис понятия «общепризнанные принципы и нормы международного права» как дискурс российского правоведения

Говоря о конституционных положениях, в которых содержатся ссылки на международное право и его «общепризнанные принципы и нормы», конституционалисты усматривают в них прежде всего реализацию «внешнеполитической функции» Конституции, отнюдь не фокусируясь ни на сущности содержания самого понятия, лежащего в основе конституционных норм об общепризнанных принципах, ни на их сообразности действующему международному праву с точки зрения единодушно принятого используемого терминологического аппарата. Так, характеризуя ее, С.А. Авакьян отмечает: «...наша Конституция не просто исходит из миролюбивой внешней политики государства, стремления к сотрудничеству и добрососедству, но и провозглашает общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ составной частью ее правовой системы... внешнеполитическая функция Конституции нашей страны состоит также в том, что за пределами государства она служит и как важный информационный источник. Конституция дает представление гражданам других стран, а также государствам и международным организациям о нашем общественно-политическом строе, структуре государства, взаимоотношениях центра и субъектов РФ, конституционных основах региональной и национальной политики, статусе личности в РФ и т.д.» [Авакьян С.А., 2000: 17]. Автор настаивает на значении конституционных положений, направленных вовне, для уяснения сущности государства. Вряд ли стоит с этим спорить, но в то же время нельзя не заметить, что использование в конституционном акте общепринятых в международном сообществе юридических категорий было бы более убедительным и действенным для достижения поставленных в этом плане целей.

Вторичным фактором, обуславливающим констатируемое положение дел, которое заключается в распространенности исследуемого термина в рамках отечественного правоведения, служит несовпадение представлений и квалификаций феномена «принципы международного права» как такового со стороны российской и зарубежной доктрин, равно как и отсутствие единообразия в данном вопросе внутри каждой из них. В связи с этим тем не менее стоит указать, что неприемлемой является трактовка изложенного лишь в качестве доказательства существования некоего «терминологического разнообразия» в состоянии современного международного права и учающей его науки.

Главной интригой в ответе на вопрос о появлении в Конституции России положений об общепризнанных принципах и нормах международного пра-

ва выступают различные варианты поиска их «корней» в рамках отечественной правовой системы. Приведенные выше соображения о вероятности влияния норм Конституции СССР, пожалуй, могли бы выглядеть справедливыми, но лишь частично. Так, анализ предпроектных и подготовительных работ по созданию Конституции 1993 г. показывает, что ни в одном из проектов не существует иного понятия, кроме вышеуказанного, применительно к разделам, трактующим соотношение и взаимодействие международного и внутригосударственного права⁷. Причем в проекте академика А.Д. Сахарова (п. 5) указывается лишь на «принципы Всеобщей Декларации прав человека» и провозглашается, что «все люди имеют право на жизнь, свободу и счастье. Целью и обязанностью граждан и государства является обеспечение социальных, экономических и гражданских прав личности. Осуществление прав личности не должно противоречить правам других людей, интересам обществ в целом. Граждане и учреждения обязаны действовать в соответствии с Конституцией и законами Союза и республик и принципами Всеобщей Декларации прав человека ООН»⁸ [Сахаров А.Д., 1993: 118–121].

Резюмируя данные, касающиеся предпроектной фазы работы над Конституцией, оправданно заключить, что клише «общепризнанные принципы и нормы международного права» введено в текст акта отнюдь не как «шлейф исторической памяти» и тем более не как отражение преемственности в конституционном развитии российского государства ввиду явного нежелания допускать даже намек на совпадение социально-политических ориентиров прошлого и будущего. Если здесь, с одной стороны, и может просматриваться усвоение положений Конституции СССР, то скорее всего «техническое» — без углубления создателей в проблемы разграничения принципов внешней политики и принципов международного права, поскольку в результате механического заимствования из «принципов внешней политики» по тексту Конституции СССР «общепризнанные принципы и нормы» превратились вдруг в «принципы и нормы международного права». С другой стороны, не беспочвенно предположение, что термин «общепризнанные принципы» мог

⁷ В число таких проектов входили, напр.: Проект Конституции Российской Федерации. Подготовлен Конституционной комиссией Съезда народных депутатов; Проект рабочей группы в составе: Шахрай С.М. (руководитель), Абрисимова Е.Б., Азарова Н.П., Бунин И.А., Маслов А.В., Минх Г.В., Орехов Р.Г., Слива А.Я., Тарасов О.А.; Проект, одобренный Конституционным совещанием; Проект Президента Российской Федерации. Available at: URL: http://constitution.garant.ru/history/active/1021/#sub_para_N_25441 (дата обращения: 25.04.2019); Проект, подготовленный Конституционной комиссией в соответствии с постановлением Съезда народных депутатов РСФСР от 16.06.1990. Available at: URL: [www/http://constitution.garant.ru/history/active/101201/](http://constitution.garant.ru/history/active/101201/) (дата обращения: 25.04.2019)

⁸ См.: Конституция Союза Советских Республик Европы и Азии. Проект народного депутата СССР А.Д. Сахарова // Конституции Российской Федерации (альтернативные проекты). Т. II. М., 1993. С. 118–121.

быть навеян упоминанием об «общих принципах права, признанных цивилизованными нациями», присутствующим в Статуте Международного суда (а еще ранее — в Статуте Постоянной палаты международного правосудия Лиги Наций), представая в его «осовремененной» формуле, т.е. без элемента признания принципов «цивилизованными нациями», но с констатацией наличия их общепризнанности международным сообществом. В свете этого, отдавая дань историческим образцам, в актуальном документе должен был бы настоятельно содержаться усовершенствованный образец былого — своеобразный «римейк», причем заведомо превосходящий оригинал.

Для уяснения дорог определения генезиса явления и современного понимания термина «общепризнанные принципы и нормы международного права» с точки зрения отечественного правоведения чрезвычайно важное значение имеет Постановление Пленума Верховного Суда России от 10.10.2003 №5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации», хотя это всего лишь судебный акт обобщения судебной практики, который призван обеспечить единообразие применения права российскими судами, не имеющий нормативной силы. Однако он стал едва ли не краеугольным в толковании содержания данного понятия. Примечательно, что данный документ обусловил наличие двух небезынтесных обстоятельств международного масштаба.

Во-первых, понятие «общепризнанные принципы и нормы международного права» стали принадлежностью западной юридической доктрины и практики благодаря их косвенному введению в разработки Комиссии международного права ООН (далее — КМП ООН). Дело в том, что ходе реализации долгосрочной программы по теме «*Jus cogens*», опираясь на материалы внутрисударственного права (в частности, российского), Комиссия приводит именно упомянутое Постановление Пленума Верховного Суда России в соответствии с полным его официальным наименованием, а, значит, прибегает к анализируемому термину, вводя его тем самым не только в собственный юридический лексикон, но и делая достоянием широкой мировой юридической общественности.

Во-вторых, обращаясь к указанному Постановлению для целей кодификации норм международного права и в доказательство того, что понятие «*jus cogens*» известно и национальным правовым системам, КМП ООН фактически уравнила обе категории: «общепризнанные принципы и нормы международного права» и *jus cogens*. В результате устанавливается следующее: «Пленум Верховного Суда Российской Федерации схожим образом определяет *jus cogens*, указывая, что «под общепризнанными принципами международного права следует понимать основополагающие императивные нормы

международного права»⁹. В связи с этим нельзя не обратить внимания на довольно слабую аргументацию констатируемой эквивалентности. Причем как Верховный суд России, так и КМП ООН, отождествив, по сути, *jus cogens* и общепризнанные принципы и нормы международного права, произвели это скорее аксиоматически, чем развернуто-доказательно. Как демонстрирует предшествующее изложение, это не единственный пример обращения к подобному приему в решении проблемы мозаичности и понятийного разнообразия в позитивном праве и международно-правовой науке.

3. Международно-правовое закрепление термина «общепризнанные принципы и нормы международного права»

Говоря о «общепризнанных принципах и нормах международного права», разумеется, нельзя не отталкиваться от понятия «принципа права». Однако речь должна идти все же конкретно о «принципах *международного права*», а не о принципах права вообще как исходных подступах к решению проблемы при опоре на материал внутригосударственного права, ибо в теоретическом отношении имеются кардинальные отличия между подходами к принципам со стороны последнего и со стороны международного права. При этом нельзя согласиться с призывами решительно отказаться от «нормативистского понимания правовых принципов»: «Когда исследователи предпринимают попытки уместить принцип права в узкую и унифицированную конструкцию стандартной (или даже специализированной) нормы права, это, по сути, являет собой попытку несоизмеримо большее свести к меньшему, уравнивать и поставить в одни рамки первооснову и первопричину с их производными и следствиями» [Коновалов А.В., 2018: 81]. В целом понятие «принципы права» анализируется с точки зрения так называемых «субстантивных свойств». Выделяются четыре: объективность, универсализм, глобальность, эффективность. Причем в концептуальном плане автор цитируемого фрагмента считает, что «субстантивность» правовых принципов не может быть оторвана от существа понятия «право», а в конечном выводе присутствует утверждение, что принципы права — это «объективные, универсальные, глобальные идеи о наиболее эффективной организации правового аспекта общественного устройства, отражающие объективные свойства природы людей и объективные закономерности социального взаимодействия» [Коновалов А.В., 2018: 81]. Таким образом, *субстантив-*

⁹ См.: International Law Commission. Sixty-ninth session. Geneva, 1 May-2 June and 3 July-4 August, 2017. Second report on *jus cogens* by Dire Tladi, Special Rapporteur.

но принципы права определяются как *идеи*, и итог очевиден: допуская, что сущность права выражается идеями, отделенными от самих юридических норм, т.е. права, автор безусловно противоречит сам себе.

Если тезисы подобного рода могли бы еще составить основания для дискуссий в ракурсе внутригосударственного права, то в рамках международного права постановка вопроса о принципах неизбежно должна быть уложена в русло *нормативности*, поскольку принципы в международном праве, если подходить к ним с категориальной точки зрения (а делать это необходимо, ибо принципы, особенно основополагающие, есть системообразующая его конструкция), выражают суть международного права. Международно-правовые принципы — это юридическое явление, которое прежде всего объективировано вовне нормативно, т.е. опосредствуется позитивным правом.

Подтверждением этого служит упомянутое заключение Международного Суда ООН, который в решении от 12.10.1984 по спору Канады и США о разграничении пространств и делимитации морской границы в заливе Мэн не зря указал, что термин «принципы» означает правовые нормы и что «употребление термина «принципы» оправдано, поскольку речь идет о более общих и фундаментальных нормах»¹⁰. Данная констатация тем более справедлива, если учесть, что в большинстве случаев принципы международного права составляют именно главные, императивные его *нормы*, именуемые в мировой доктрине и практике преимущественно *jus cogens* [Verdross A. Forbidden, 1937: 571, 574]; [D'Amato A., 1990: 4]; [Wet de E., 2004: 98–99]; [Шестаков Л.Н., 1981: 66–76]; [Исполинов А.С., 2014: 7–14]; [Черниченко С.В., 2012: 3–5];¹¹ [Kleinlein T., 2016: 175]. И хотя этот момент имеет характер самостоятельного вопроса фундаментального значения в теории международного права¹², отдельных его граней придется коснуться в настоящей статье.

Итак, трудно оспоримым является факт, что введение конструкции «общепризнанные принципы и нормы международного права» в отечественное правоведение и внутригосударственную сферу вообще (в науку, объективное право и практику правоприменения) в последние десятилетия — это несомненный результат ее включения в российскую Конституцию. То же обстоятельство является коренным и для нынешней актуализации проблемы,

---

¹⁰ Cf.: I.C.J. Reports 1984. *Delimitation of the Maritime Boundary in the Gulf of Maine Area. Judgment*, p. 246. Para 79.

¹¹ Несмотря на небесспорность абсолютизации отнесения к этой когорте всех основных принципов международного права.

¹² Комиссия международного права ООН, разрабатывая тему *jus cogens*, не зря поставила на одно из первых мест формулирование критериев императивных норм *jus cogens* (подробнее об этом см.: International Law Commission. Seventieth session. Geneva, 30 April — 1 June and 2 July — 10 August, 2018 A/CN.4/714; Advance Report UNILC 2018. P. 223–238.

хотя существуют и некоторые дополнительные факторы. В ходе установления первичной основы распространения анализируемого «клише» необходимо сослаться не только на преимущественно интерпретируемую ч. 4 ст. 15, устанавливающую, что «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации образуют составную часть ее правовой системы», но и на другие предписания, ставшие центральными в юридической практике (Преамбулу Конституции, в которой утверждаются права и свободы человека, гражданский мир и согласие, сохранение исторически сложившегося государственного единства, «исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов»; ч. 1 ст. 1, в которой защита прав и свобод человека признается и гарантируется «согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией»; ч. 1 ст. 17, ст. 18, ч. 1 ст. 63 и др.).

Объективности ради следует сказать, что термин «общепризнанные нормы» известен конституциям и зарубежных государств, однако, без упоминания об «общепризнанных принципах» (Австрия, Греция, Испания, Италия), что, конечно, в свою очередь, делает данные понятия самостоятельными по отношению ко всем другим, создавая еще бóльшие трудности в их квалификации. Например, в соответствии со ст. 9 Конституции Австрийской Республики (1920) «общепризнанные нормы международного права действуют в качестве составной части федерального права». Статья 96 Конституции Испании (1978) гласит: «Положения международных договоров могут быть отменены, изменены или приостановлены только в порядке, установленном в самих договорах или в соответствии с общепризнанными нормами международного права». В ст. 8 Конституции Республики Македония (1991) закреплено, что основополагающими ценностями конституционного устройства Республики является уважение общепринятых норм международного права.

Список государств, основные законы или конституции которых оперируют термином «общепризнанные принципы», «общепризнанные нормы» либо «общепризнанные принципы и нормы международного права», может быть существенно расширен: так, помимо упомянутого ранее, конституционные акты Грузии, Молдовы, Болгарии, Румынии, Азербайджана, Узбекистана, Беларуси, Армении, Венгрии, Йемена, Ирака, Ирландии, Киргизии, Литвы, Монголии, Португалии, Словении, Украины, Туркмени, Хорватии, Чехии, Эстонии содержат ссылки на те или иные перечисленные конструкции¹³. Добрую половину перечня, как видно, составляют бывшие союзные республики СССР, имеющие общность в истории и этапах развития правовых систем. Использование конституциями рассматриваемого термина

¹³ См.: Конституции государств Европы в 3 т. Т. 1 / под общ. ред. Л.А. Окунькова. М., 2001. С. 27, 71, 105, 647.

вполне, таким образом, объяснимо. Наличие его в конституциях иных стран обусловлено нередко участием в многосторонних региональных и двусторонних договорах, в текстах которых обозначение «общепризнанные принципы и нормы международного права» присутствует в качестве легального понятия.

В частности, оно зафиксировано в Конвенции о привилегиях и иммунитетах Секретариата, его персонала и представителей государств-членов Сопредседательства по взаимодействию и мерам доверия в Азии от 8 июня 2010 г., Соглашении между Правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности от 16.06.2009, Меморандуме между Российской Федерацией и Лигой арабских государств об учреждении Российско-Арабского форума сотрудничества от 21.12.2009 (разд. I «Принципы функционирования форума»), Соглашении между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области исследования и использования Мирового океана от 27.05.2003, Договоре между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений от 8.04.2010¹⁴ и др. Не будучи исчерпывающим, приведенный список содержит большей частью многосторонние (преимущественно региональные/субрегиональные¹⁵ или межрегиональные), и, разумеется, двусторонние акты.

---

¹⁴ Использование понятия «общепризнанные принципы и нормы международного права» в названном международном соглашении имеет целью не только обозначить юридическую основу межгосударственных отношений, но и конкретизировать для сторон и третьих лиц определенную часть предмета и круга действия соответствующих международно-правовых норм. К примеру, его п. 11 устанавливает: «Стратегические наступательные вооружения, подпадающие под действие настоящего Договора, не базируются за пределами национальной территории каждой из Сторон. Предусмотренные в настоящем пункте обязательства не затрагивают прав Сторон в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права в отношении прохода подводных лодок или полетов летательных аппаратов, либо в отношении заходов подводных лодок в порты третьих государств» (см.: Бюллетень международных договоров. 2010. № 6. С. 3–11).

¹⁵ В их числе см., например, международные документы СНГ, ЕврАзЭС, ЕАЭС: Решение Совета глав государств СНГ «Об Обращении глав государств-участников Содружества Независимых Государств к народам государств-участников Содружества и мировой общественности в связи с 65-й годовщиной Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» (принято в Кишиневе 09.10.2009); Решение Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности «О Положениях об органах Организации Договора о коллективной безопасности» (вместе с Положениями о Совете коллективной безопасности, о Совете министров иностранных дел, о Совете министров обороны, о Комитете секретарей советов безопасности, о Постоянном совете при Организации, о Секретариате Организации) (принято в Душанбе 28.04.2003 с изм. от 19.12.2012) // СПС КонсультантПлюс. Нередко при определении правовой основы сотрудничества в содержании документов присутствует отделение общепризнанных принципов и норм

Кроме того, как отражение Конституции и действующего права России термин «общепризнанные принципы и нормы международного права» вошел в лексикон также Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ). Правда, стоит оговориться, что это по большей части имеет место, во-первых, в делах, рассматриваемых ЕСПЧ преимущественно по жалобам против России, и по этой причине является исключительно сопутствующим фактором ссылок на российское право, во-вторых, образует производный порядок введения термина в научный оборот и правовые позиции ЕСПЧ. Наряду с этим в Постановлении ЕСПЧ от 30.06.2005 по делу «*Bosphorus Hava Yollari Turizm Ve Ticaret Anonim Sirketi vs. Ireland*» (жалоба № 45036/98) со ссылкой на Конституцию Ирландии указывается: «Ирландия признает общепризнанные принципы международного права как свои нормы поведения в отношениях с другими государствами» [Харрис Д., О’Бойл М., Уорбрик К., 2017: 683, 684, 1190]; [Берестнев, 2016: 1158–1159].

Изложенное вполне могло бы быть воспринято в качестве доказательства существования солидного правового фундамента для использования «общепризнанных принципов» и как особых норм позитивного права, и как правовой категории юридической науки. Однако нельзя не подчеркнуть, что предложенный перечень не подтверждает, во-первых, строго выраженного присутствия таких принципов в универсальных документах, имеющих юридическую обязательность, во-вторых, еще не свидетельствует об универсальности, общепризнанности и императивности правил поведения субъектов международного права, опосредствуемых подобного рода принципами. Следовательно, затруднительно говорить и о самом понятии как *всецело признанном* мировой наукой и практикой международного права, поскольку не столь часты в специальной литературе (прежде всего, иностранной) публикации, пытающиеся серьезно исследовать этот аспект. К примеру, в новейшей работе С.Ю. Марочкина, вышедшей в свет в 2019 году и посвященной рассмотрению действия и реализации международного права в правовой системе России, вышеуказанный вопрос в научно-теоретическом контексте не рассмотрен [Marochkin S.Yu., 2019]. Примечательно также, что и в фундаментальном труде ведущих западных авторов, составивших объемный комментарий к Уставу ООН, в котором предметно отведено место положениям ст. 1 и 2 Устава, излагающих свод целей и принципов Организации, анализ самой категории «принципы международного права» отсутствует [Simma B., 2002].

по отношению к договорным актам и решениям органов международных организаций (см., например, п. 3 Положения о Совете коллективной безопасности ОДКБ, который предусматривает, что Совет «в своей деятельности руководствуется общепризнанными принципами и нормами международного права, Уставом Организации, Договором о коллективной безопасности, международными договорами и решениями, принятыми в рамках Организации, а также настоящим Положением»). Это создает впечатление «выпадения» из единства международного права общепризнанных принципов и норм, что в общем нельзя одобрить.

Среди отечественных авторов, продемонстрировавших «знак внимания» к этой проблеме, необходимо упомянуть, в частности, А.Х. Абашидзе [Абашидзе А.Х., 2017: 19–29]. Правда, с обобщениями, сформулированными автором в части расшифровки сути общепризнанных принципов и норм, согласиться нельзя. Речь идет прежде всего о том, что будто бы и в западной, и российской доктринах международного права понимается одно и то же (т.е. под «общепризнанными принципами и нормами международного права» подразумеваются «общие принципы права» или «общие принципы, признанные цивилизованными нациями», которые якобы также именуется нередко «основополагающими»). К тому же «под указанными принципами подразумеваются прежде всего принципы, закрепленные в Уставе ООН, Декларации о принципах международного права... и Хельсинкском заключительном акте СБСЕ 1975 г.» [Абашидзе А.Х., 2017: 20, 25] (зададимся вопросом: следовательно, в Уставе ООН и других приведенных актах закреплены «общие принципы права...»? — Л.А.).

Помимо сказанного ранее, в приведенных суждениях видится еще и несомненное упрощение проблемы, чтобы не сказать — уход от нее, поскольку даже если признать правоту автора, то основания, почему удалось прийти к подобному заключению, должны быть не только названы, но и обстоятельно подкреплены аргументами. При этом иллюстрации состояния западной международно-правовой науки в затронутой области практически отсутствуют. Обращение за поддержкой, в частности, к английскому курсу международного права [Shaw M., 2008: 98], к тому же в параллель конструкции ст. 38 Статута Международного Суда относительно «общих принципов права» (но без добавления фрагмента о «признании цивилизованными нациями») [Абашидзе А.Х., 2017: 24], мало что дает для существа явления «общепризнанные принципы международного права» и иных варьирующихся по отношению к такому обозначению терминов. Итогом со всей закономерностью выступает неутешительный вывод: фундаментальная, теоретически осмысленная дифференциация названных понятий, относящихся к принципам международного права, все еще ожидает реализации.

Что касается западной доктрины международного права, то она, будучи индифферентной к проблеме разграничения «общепризнанных» и «основных» (иногда и «общих принципов, признанных цивилизованными нациями»)» принципов, вносит в учение о принципах и нормах международного права еще одну загадку, метафорично именуемую то «ящиком Пандоры», то «автомобилем, не покидающим гаража», то предметом, «достойным Оскара, если бы подобная награда присуждалась в международном праве» [D'Amato A., 1990: 4–5]. Все это относится к *jus cogens* — «императивным нормам общего международного права». Находятся и противоположные скепсису взгляды: профессор Коннектикутского университета М. Джэнис воз-

водит *jus cogens* в «особое «международное право», квалифицируя его как «супернорму». Так что объективно вряд ли логично расценивать приведенное в качестве «совпадения» отечественной и западной доктрин в вопросе о принципах международного права.

Вместе с тем было бы глубоко ошибочным отрицать безусловную продуктивность уже найденных наукой общих ориентиров и векторов разработок, соответствующих поиску верных результатов. Так, вряд ли будут возражения против ряда тезисов, сформулированных в свое время в советской литературе. Например, Р.Л. Бобров в связи с исследованием основных принципов международного права отмечал, что речь идет об «общепризнанных положениях, концентрированно выражающих основное содержание международного права соответствующей эпохи его бытия», что «основные принципы ... международного права — это его кардинальные положения, которые устанавливают самые основы поведения государств в международных отношениях, и что с ними, следовательно, надлежит соотносываться во всех областях международного сотрудничества» [Бобров Р.Л., 1968: 71, 192–193]. Э.А. Пушмин, выстраивая определение основных принципов международного права, указал в этом отношении на ряд детерминирующих признаков: основополагающий характер, качество служить внутренней основой системы международного права, безусловные нормативность, общепризнанность, универсальность, всеобщность действия (неограниченность круга адресатов), императивность, свойство быть критериями законности, обладание программным характером — обеспечение главного направления развития системы международно-правового регулирования [Пушмин Э.А., 1978: 83].

В современной российской литературе один из крупных исследователей теории международного права также сформулировал соответствующие исходные положения, касающиеся принципов, которые заслуживают внимания, хотя и не во всем могут быть поддержаны: «Принципы международного права — общепризнанные нормы международного права наиболее важного и общего характера»; принципы международного права в основном «носят императивный характер и предусматривают обязательства *erga omnes*, т.е. обязательства в отношении всех и каждого из членов межгосударственного сообщества». Они объединяют нормы международного права различного уровня... в единую правовую систему»; «общепризнанные нормы международного права — понятие гораздо более широкое, чем общепризнанные принципы международного права»; «общепризнанные принципы международного права подразделяются на основные и отраслевые (специальные)»; «общие принципы права не следует отождествлять с общепризнанными принципами международного права» [Черниченко С.В., 2014: 101–102, 106].

Заключение

Следует отметить ключевое для выводов по исследованию генезиса общепризнанных принципов и норм международного права, с точки зрения их присутствия в российской Конституции, обстоятельство, каковым выступает отыскание соотношения и связей между соответствующими понятиями в целом и их отдельными элементами как принципами, т.е. важнейшими категориями международно-правовой науки. В этом отношении, несомненно, следует констатировать, что подобный ракурс не был заложен ее создателями. Для решения же такого рода задачи необходимо, с одной стороны, по возможности предельно точно установить указанное соотношение между общепризнанными международно-правовыми принципами и общепризнанными нормами, а с другой, — между основными принципами международного права и его «общепризнанными принципами и нормами». При этом должно быть обеспечено использование подхода, гармонично сочетающего в себе не только юридические, но и философско-правовые элементы анализа. Принципы в международном праве (в том числе и основные принципы) как наиболее общие руководящие положения есть иерархически более высокие (в силу вышеприведенных критериев такого их статуса) по отношению ко всем другим нормам предписания.

Исследуя вопрос о соотношении понятий «международно-правовой принцип» и «международно-правовая норма», ученые сформулировали различные теоретические позиции, в числе которых значилось, прежде всего, мнение о том, что это соотношение «общего и частного, общего и конкретного» [Минасян Н.М., 1960: 41], что лежит в плоскости «линейного» подхода к правовым явлениям с философской точки зрения. Другие, не отрицая значения подобного вывода, наметили другой дискурс, полагая, что данные понятия представляют собой не только правовые категории, но и продукт научного мышления — научные абстракции, — которые соотносятся как категории «сущности и явления» [Пушмин Э.А., 1978: 80].

Однако квалификация «сущность и явление» все-таки больше характеризует иное, а именно: соотношение между другими научными понятиями, стоящими в круге настоящего анализа, — «основные принципы международного права» и «общепризнанные принципы и нормы международного права». При этом, соглашаясь с Э.А. Пушминым в его теоретико-философском подходе, целесообразно дополнить концептуальное решение видения соотношения основных принципов и общепризнанных принципов и норм международного права еще одной составляющей, имея в виду включение в упомянутую конкретизацию связи «сущности и явления» категории *jus cogens* («императивные нормы общего международного права» — *peremptory norms of general international law*). В подобной «комплектации» будет

заключено именно сопряжение «сущности и явления», ибо первые выражают главные, предметные (сущностные) черты международного права, свойственные ему в современную эпоху, а вторые в совокупности с качествами *jus cogens* выступают конкретизацией их содержания, а также форм опосредствования вовне, обеспечивая одновременно единство «внешнего и сущего».

В финале настоящего рассмотрения «корней» введения в российскую Конституцию понятия и термина «общепризнанные принципы и нормы международного права» не лишне еще раз подчеркнуть, что существо обозначенного явления гораздо глубже и сложнее, нежели кажется с первого взгляда, и вряд ли будет исчерпано единичными публикациями, пусть и всецело посвященными данному предмету. В свете этого очевидно, что у будущих покорителей этой «вершины» есть немалый опыт прежних поколений, но задел для ликвидации пустот и «темных пятен» не столь значителен.

Библиография

Абашидзе А.Х. Принципы международного права: проблемы понятийно-содержательного характера // Московский журнал международного права. 2017. № 4. С. 19–29.

Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. М.: РЮИД, 2000. 426 с.

Алексидзе Л.А. Некоторые вопросы теории международного права. Императивные нормы. Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета, 1982. 406 с.

Бобров Р.Л. Основные проблемы теории международного права. М.: Международные отношения, 1968. 272 с.

Бобров Р.Л. Современное международное право (современные предпосылки и социальное назначение). Л.: Изд-во ЛГУ, 1962. 114 с.

Исполинов А.С. Нормы *jus cogens* в решениях международных и национальных судов // Российский юридический журнал. 2014. № 6. С. 7–14.

Коновалов А.В. К вопросу о понятии принципов права // Lex Russica. 2018. № 8. С. 81–87.

Коровин Е.А. Об общепризнанных нормах международного права // Советское государство и право. 1951. № 9. С. 14–19.

Минасян Н.М. Источники современного международного права. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1960. 152 с.

Морозов А.Н. Конституционное отражение общепризнанных принципов и норм международного права // Журнал российского права. 2018. № 7. С. 33–45.

Нефедов Б.И. Принципы в международном праве: терминология // Московский журнал международного права. 2019. № 1. С. 6–17.

Нешатаева Т.Н. Суд и общепризнанные принципы и нормы международного права // Вестник Высшего арбитражного суда. 2004. № 3. С. 124–140.

Путеводитель по прецедентной практике Европейского суда по правам человека. 2002–2016 / науч. ред. и сост. Ю.Ю. Берестнев]. М.: Развитие правовых систем, 1288 с.

Пушмин Э.А. О понятии основных принципов современного общего международного права // Советский ежегодник международного права. 1978. М.: Наука, 1979. С. 76–84.

Талалаев А.Н. Об основных принципах международного права // Советский ежегодник международного права. 1958. М.: Наука, 1959. С. 513–515.

Толстик В.А. Общепризнанные принципы и нормы международного права в правовой системе России // Журнал российского права. 2000. № 8. С. 67–77.

Харрис Д., О'Бойл М., Уорбрик К. Право Европейской конвенции по правам человека. М.: Развитие правовых систем, 2017.

Черниченко С.В. Взаимосвязь императивных норм международного права и обязательств *erga omnes* // Московский журнал международного права. 2012. № 3. С. 3–16.

Черниченко С.В. Контуры международного права. Общие вопросы. М.: Научная книга, 2014. 592 с.

Шейндлин Б.В. Сущность советского права. Л.: Изд-во ЛГУ, 1959. 140 с.

Шестаков Л.Н. К вопросу определения норм *jus cogens* в международном праве // Советский ежегодник международного права. 1980. М.: Наука, 1981. С. 66–76.

D'Amato A. It's a bird, it's a plane, it's *jus cogens*! Connecticut Journal of International Law, 1990, no 1, pp. 1– 6.

Kleinlein T. (2016) *Jus Cogens* as the 'Highest Law'? Peremptory Norms and Legal Hierarchies. Netherlands Yearbook of International Law 2015: *Jus Cogens — Quo Vadis?* M. den Heijer, H. van der Wilt (eds.). Amsterdam: Springer, 2016, vol. 46, pp. 173–210.

Marochkin S.Yu. The Operation of International Law in the Russian Legal System. A Changing Approach. Brill/Nijhoff, Asian Law Series, 2019, vol. 8, 308 p.

Shaw M. International Law. 6th ed. Cambridge: University Press, 2008. 1708 p.

Simma B. (ed.) The Charter of the UN: a Commentary. Vol. 1. New York, 2002, 895 pp.

Verdross A. Forbidden Treaties in International Law. American Journal of International Law, 1937, no 31, pp. 571–574.

Wet de E. The Prohibition of Torture as an International Norm of *Jus Cogens* and Its Implications for National and Customary Law. European Journal of International Law, 2004, no 1, pp. 97–121.

Pravo. Zhurnal Vyshey Shkoly Ekonomiki. 2019. No 3

Enigma of the Constitution of Russian Federation 1993: “Generally Recognized Principles and Norms of International Law”

Liudmila P. Anufrieva

Professor, Chair of International Law, Kutafin Moscow State Law University, Doctor of Juridical Sciences. Address: 9 Sadovaya-Kudrinskaya Str., Moscow 125993, Russian Federation. E-mail: lpanufrieva@msal.ru

Abstract

The International law, being the independent legal system, has essential peculiarities, which are not manifested merely by the availability itself of the core component — the relevant system of its principles. The article explores very specific aspect related to the “generally recognized principles and norms of international law” as a category of legal science, in an atypical perspective of finding the origins of its inclusion into the Russian legal system basing on the grounds of analysis of domestic law and effective trends of international practice in this regard. The term and the category itself ‘generally recognized principles and norms of international law’ have become an integral part of the Russian contemporary jurisprudence and positive law in a whole due to relevant incorporation thereof into provisions of the Constitution of the Russian Federation, 1993. They constitute an important layer in the history of constitutional evolution of our state, which, however, has not yet received due attention in legal literature. Despite the wide-spread use of the afore-referred term in science and positive domestic law both in the Soviet Union and nowadays Russia, the scholars as far as the international law, have not till to date defined the substance and scope of the ‘generally recognized principles and norms’ as part of the said system of law nor juxtaposed the same with other categories and notions immune to International Law. Meanwhile, the said term continuously coexists in international law and its research along with other concepts, also covered by the range of designations pertaining to principles — ‘fundamental principles’, ‘general principles of law recognized by civilized Nations’, *jus cogens*, etc., which fact, in turn, requires appropriate orientation. The present piece, having relied upon the historiographical approach and theoretical positions substantiated by international legal science, is deemed to attempt to elucidate some queries related to the core issues regarding the subject-matter of the article — the ‘generally recognized principles and norms of international law’– and its constituent elements, as well as its relationship and links with other afore-referred phenomena, i.e. “fundamental principles of international law”, firstly, and the norms of *jus cogens* (‘peremptory norms of general international law’), secondly. This approach allowed to penetrate into the essence of the analyzed categories. The outcome of the work of the UN International Law Commission (UN IL Commission) related to the topic of ‘*jus cogens*’ is a matter of special attention in the course of analysis.

Keywords

generally recognized principles and norms of international law, Constitution of the Russian Federation, UN Commission of International Law, genesis, ‘general principles of law recognized by civilized nations’, fundamental principles of international law, peremptory norms of ‘general international law’, *jus cogens*, normativity, positive law.

Acknowledgements: The work is supported by the Russian Foundation for Basic Research, project 18-011-01060-A.

For citation: Anufrieva L.P. (2019) *Enigma of the Constitution of the Russian Federation 1993*: “Generally Recognized Principles and Norms of International Law”. *Pravo. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki*, no 3, pp. 4–25 (in Russian)

DOI: 10.17-323/2072-8166.2019.3.4.25

References

- Abashidze A.H. (2017) Principles of International Law: Concept and Terminology *Moscovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava*, no 4, pp. 19–29 (in Russian)
- Aleksidze L.A. (1982) *Issues of the Theory of International Law*. Tbilisi: University Press, 406 p. (in Russian)
- Avak'yan S.A. (2000) *The Constitution of Russia*. Moscow: RYID Press, 528 p. (in Russian)
- Berestnev Yu.Yu. (ed.) (2016) *Guide to Precedential Practice of the European Court of Human Rights 2002–2016*. Moscow: Razvitie pravovykh system, 1288 p. (in Russian)
- Bobrov R.L. (1962) *Contemporary International Law*. Leningrad: University Press, 114 pp. (in Russian)
- Bobrov R.L. (1968) *Major Issues of the Theory of International Law*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 272 pp. (in Russian)
- Chernichenko S.V. (2012) Interplay between Peremptory Norms of International Law and Obligations *erga omnes*. *Moscovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava*, no 3, pp. 3–16 (in Russian)
- Chernichenko S.V. (2014) *Outline of International Law. General Issues*. Moscow: Nauchnaya kniga, 592 p. (in Russian)
- D'Amato A. (1990) It's a bird, it's a plane, it's *jus cogens*! *Connecticut Journal of International Law*, no 1, pp. 1–6.
- Ispolinov A.S. (2014) *Jus cogens* in the Judgements of International and Municipal Courts. *Rossiyskiy juridicheskiy zhurnal*, no 6, pp. 7–14 (in Russian)
- Harris D., O'Boyle M., Warbrik C. (2017) *Pravo Evropeyskoi konventsii po pravam cheloveka*. Moscow: Razvitie pravovykh system, 1342 p. (in Russian)
- Kleinlein T. (2016) *Jus Cogens* as the 'Highest Law'? Peremptory Norms and Legal Hierarchies. *Netherlands Yearbook of International Law 2015: Jus Cogens — Quo Vadis?* (ed.). Amsterdam: Springer, vol. 46, pp. 173–210.
- Konovalov A.V. (2018) On the Concept of Principles of Law. *Lex Russica*, no 8, pp. 81–87 (in Russian)
- Korovin E.A. (1951) On the Generally Recognized Norms of the International Law. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, no 9, pp. 14–19 (in Russian)
- Marochkin S.Yu. (2019) The Operation of International Law in the Russian Legal System. A Changing Approach. Brill/Nijhoff, *Asian Law Series*, vol. 8, 308 p.
- Minasyan N.M. (1960) *The Sources of Contemporary International Law*. Rostov: University Press, 152 pp. (in Russian)
- Morozov A.N. (2018) Reflection of Generally Recognized Principles of International Law in the Constitution. *Journal of Russian Law*, no 7, pp. 33 — 45 (in Russian)
- Nefedov B.I. (2019) Principles in the International Law: Terminology. *Moscow Journal of International Law*, no 1, pp. 6–17 (in Russian)
- Neshataeva T.N. (2004) The Court and the Generally Recognized Principles and Norms of International Law. *Vestnik Vysshego arbitrazhnogo suda*, no 3, pp. 124–140 (in Russian)
- Pushmin E.A. (1979) Concept of Major Principles of Contemporary International Law. In: *Soviet Yearbook of International Law*. Moscow: Nauka, pp. 76–84 (in Russian)
- Sheyndlin B.V. (1959) *Essence of Soviet Law*. Leningrad: University Press, 140 p. (in Russian)

Shestakov L.N. (1981) Concerning the problem of identification of the norms *jus cogens* in the International Law. In: *Soviet Yearbook of International Law*. Moscow: Nauka, pp. 66–76 (in Russian)

Shaw M. (2008) *International Law*. 6th ed. Cambridge: University Press, 1708 pp.

Simma B. (ed.). (2002) *The Charter of the United Nations. A Commentary*. N.Y.: Oxford University Press, 895 p.

Talalaev A.N. (1959) Major Principles of the International Law. *Soviet Yearbook of International Law*. Moscow: Nauka, pp. 513–515 (in Russian)

Tolstik V.A. (2000) Generally Recognized Principles and Norms of International Law within the Legal System of Russia. *Journal of Russian Law*, no 8, pp. 67–77 (in Russian)

Verdross A. von (1937) Forbidden Treaties in International Law. *American Journal of International Law*, no 31, pp. 571–574.

Wet de E. (2004) The Prohibition of Torture as an International Norm of *Jus Cogens* and Its Implications for National and Customary Law. *European Journal of International Law*, no 1, pp. 97–121.